

матем. обеспеч. ЭВМ. – Минск: Ин-т техн. кибернетики НАН
Беларуси, 1996. – 178 с.

К ВОПРОСУ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Н.В. Дроздова

Белорусский государственный педагогический университет

Завоевание сферы отношений определенного целостного действующего организма со средой, в недрах которой он существует, с которой он взаимодействует, стало историческим достоянием российской науки. Если Германия дала миру учение о физико-химических основах жизни, Англия – о законах эволюции, Франция – о гомеостазе, то Россия – о поведении.

В конце XIX в. рухнула Ньютонова механическая модель мира. Стали стремительно меняться прежние представления о живой природе, о функциях организма, в том числе психического. Прежнее направление исследований (структурализм В. Вундта) уступает место функционализму Д. Джемса. Тем не менее, целостное воззрение на человека разбивалось о противостояние науки об организме и науки о сознании: складывалась тупиковая ситуация. Выходом из нее стало создание науки о поведении.

Наука о поведении уходила корнями в эволюционную биологию Ч. Дарвина и возникла в лоне присущего ей детерминизма. Но в жаждающей обновления и преобразования Российской действительности (последствие реформ 1861 г.) постулат об индивиде, движимом одним стремлением – как можно эффективнее приспособиться к наличным условиям, чтобы добиться личного благополучия – был не совместим с потребностями народа и общества. Социокультурные традиции России отвергали индивидуализм, противопоставляя ему в различных вариантах общинное начало. Коллизию создавала необходимость соединить верность этому началу с правами и

свободами личности. Борьба за них во имя «обездоленного русского мужика» (В.М. Сеченов) обусловило своеобразие позиций русских мыслителей: шел поиск перспектив сочетания естественнонаучного воззрения на человека как существо, не разъятое на тело и душу, с его приверженностью неведомым наукам о природе «общественным ценностям».

Русская мысль, открывшая проблему поведения и создавшая категориальную схему его разработки, не отвергала ни сознание, ни внутренний мир человека, ни духовные ценности и идеалы, определяющие в хронотопе человека смысл его жизни. Завершая свою ставшую знаменитой программную речь на Международном медицинском конгрессе в Мадриде, где впервые оповещалось об открытии условных рефлексов, И.П. Павлов сказал: «Полученные объективные данные, руководствуясь подобием или тождеством внешних проявлений, наука перенесет рано или поздно и на наш субъективный мир и тем самым сразу и ярко осветит нашу столь таинственную природу, уяснит механизм и жизненный смысл того, что занимает человека все более, - его сознание, муки его сознания» [1, с. 39].

Американские психологи восприняли идеи русских исследователей поведения как образец точного естественнонаучного знания. Принципиально иную направленность они (идеи) приобрели в бихевиоризме, для которого основополагающей стала проблема научения, базирующегося на механизме условных рефлексов. При этом происходит радикальное изменение теоретической ориентации: отказ от прежних воззрений на психологию как науку о сознании (Дж. Уотсон, 1912 год) и, соответственно, внедрение нового предмета психологии – независимых от сознания стимул-реактивных отношений между организмом и средой, к которой он адаптируется.

Трактовка поведения в этом контексте свелась к строго причинной связи внешнего стимула с внешней реакцией; научение представлялось как приобретение навыка путем проб, ошибок и случайных успехов (Э. Толмен). В целом, трансформировалось воззрение на законы, правящие поведением живых существ, в том числе человека, который предстал как «большая белая крыса», ищущая свой путь в «лабиринте жизни», где вероятность успеха не

предопределена и царит его Величество случай. В свою очередь, данная теоретическая аксиома отражала, или, скорее, впитала в себя нестабильность мирового положения: влияние первой мировой войны (1914), Великой Октябрьской революции (1917), предкризисного состояния американской экономики (1920-е гг.).

Критика антиментализма классического бихевиоризма и желанья избавиться от фатальной предрешенности в теоретических конструкциях способствовали возникновению бихевиоризма новой формации – необихевиоризма. Популярность приобрело понятие о «промежуточных переменных» (Э. Толмен). Эти переменные были названы промежуточными по отношению к независимым переменным (раздражителям) и зависимым переменным (реакциям), выступив в роли заменителей того, что называлось сознанием. Самой популярной и мощной в необихевиоризме стала школа Кларка Халла.

«Промежуточные переменные» К. Халл обозначил термином «теоретические конструкты», трактуя в духе павловской теории целостное поведение как комплексный продукт механизмов научения и мотивации. На основе этих представлений Халл разработал теорию, включающую 17 постулатов и производных от них 133 теорем. Предполагалось, что теоремы имеют обязательную силу применительно к любым способам взаимодействия живых существ со своей средой и, следовательно, начинает приобретать популярность версия о перспективах строго причинного объяснения не только индивидуального, но и социального поведения. В условиях, когда на рубеже 30-х гг. XX в. американская экономика вступила в полосу кризиса и начавшейся «великой депрессии», гипотеза о возможности управления поведением людей, опираясь на средства точной науки, порождала надежду на то, что, используя эти средства, удастся если не полностью справиться с решением грозных социальных проблем, то, во всяком случае, содействовать их эффективному решению. Таковы были мотивы, по которым знаменитый Фонд Рокфеллера решил оказать финансовую поддержку Халловской программе, что, в свою очередь, стало одной из причин популярности и приоритетности этой школы.

Направление, созданное К. Халлом, после распада его школы приобрело новую ориентацию. Возник план выстроить на бихевиористских началах единую систему знаний как об индивиде, так и об обществе. Методологический смысл этого направления определялся установкой на такое преобразование теории поведения, которое позволило бы, не утратив идеалов объективности, выдержать верность им при изучении причин поведения отдельных индивидов, либо их групп, в социальной среде. На этот раз программу объединения в единую систему знаний о поведении субсидировал другой знаменитый научный фонд – Фонд Форда.

Наиболее выпукло изучение социального поведения в бихевиоральной традиции представлено «теориями обмена» (Г.Хоманс, Л. Тибо, Х. Келли). В частности, для Хоманса элементарное социальное поведение есть личный контакт между двумя индивидами, в котором вознаграждение или проигрыш определяют их поведение (Хоманс, 1961 год). Очевидна экстраполяция капиталистических отношений, господствующих в обществе, в модель человека, вступающего в отношения обмена с другим человеком и согласовывающего свое поведение с «правилом распределенной справедливости». Крайнюю позицию в данных теоретических изысканиях заняла теория Б.Ф. Скиннера, согласно которой человек есть полностью продукт внешних обстоятельств, влияния общества, результат воздействия поощрений за социально одобряемые реакции и наказаний за неодобряемые. Отсюда, причина несовершенства общества – несовершенство составляющих его индивидов. Именно этот идеологический оборот и объясняет искусственно стимулируемую популярность среди широкой публики США идей Скиннера по преобразованию общества [3; с. 62].

Таким образом, согласно бихевиоральной установке, человек – это, в сущности, огромная сложная система рефлекторных дуг (Г. Олпорт, 1924 год); организм, реагирующий рефлекторно на внешние раздражители, обладающий способностью к научению; может имитировать других людей, ассимилируя тем самым их опыт. Может вступать во взаимодействие с другими людьми (организмами). Его поведение при этом представляет функцию от

вознаграждения; тип и объем человеческого познания зависит от типа и объема вознаграждения и наказания, которое оно доставляет (Хоманс, 1961 год). Модель человека «реагирующего» дополняется моделью бесконфликтно развивающегося общества, а взаимодействие индивида и общества обусловлено системой целенаправленных поощрений и наказаний (Б. Скиннер).

Несмотря на предложенные Э. Толменом, К. Халлом и др. термины «промежуточные переменные», их изучение исторически в США свелось к идее управления индивидом и обществом. Потребовались научно-техническая революция и перенос центра научных изысканий из США в Западную Европу, чтобы данные теоретические конструкты наполнились реальным содержанием. Назревшие изменения положили начало новому направлению – когнитивной психологии, истоки которой оформились уже в американской психологии.

У американских когнитивистов человек «мыслящий» («когнитивный») предстает существом, обладающим способностью к восприятию и переработке информации. Он руководствуется в своем поведении субъективным образом действительности. Стремится к достижению внутренней связанности, логичности, непротиворечивости картины мира. Когнитивные элементы (когниции, знания) не всегда в эту картину вписываются, они находятся в непрерывном взаимодействии. Определенные типы этого взаимодействия (конфликт, противоречие, логическая непоследовательность и т.п.) обладают мотивационной силой, побуждают к действиям (поведению), направленным на возвращение всей когнитивной структуры в состояние равновесия. Поэтому для того, чтобы понять причины поведения человека, важнее выяснить не то, как познаются социальные явления, а как они взаимодействуют в когнитивной структуре. Таким образом, поведение понимается как «взаимодействие эксплицитных и имплицитных социальных стимулов, вызывающее когнитивную и поведенческую активность» (Э. Стотлэнд, Л. Кэнон, 1972 год). Поскольку человек с этой точки зрения по существу отождествляется с индивидуальным сознанием, реальность в исследованиях когнитивистов фигурирует преимущественно как знание о ней. В силу такого ограничения модель человека существует как бы сама по себе, без дополняющих ее моделей

общества. Данные постулаты наиболее рельефно представлены в концепции когнитивного диссонанса Л. Фестингера (1957 год), исследованиях атрибутивных процессов (Ф. Хайдер, Х. Келли).

Реальные социальные процессы, бушующие в странах Западной Европы в 70-е гг. XX в.: крайнее обострение политической и, соответственно, идеологической борьбы внутри западноевропейских стран при одновременном усилении идеологической конфронтации между двумя социальными системами; углубление этнических проблем, вызванное не столько оживлением прежних этноцентрических тенденций, сколько появлением в Западной Европе в эпоху промышленного процветания миллионных армий так называемых «приглашенных» рабочих из развивающихся стран, – стали той повседневной реальностью, с которой общество, и вместе с ним наука, не могли не считаться [2; с. 121].

В этих условиях модели общества, человека и их взаимодействие применявшиеся в американской социальной психологии, обнаружили свою неадекватность. Непригодность американской парадигмы для Западной Европы была подтверждена и студенческим движением 1968 года, еще более остро поставившим вопрос о социальной релевантности науки. Таким образом, если в США психологи в силу ряда причин социокультурного характера продолжали прежнюю традицию исследования, уповая на то, что в конечном итоге массивы разрозненных данных будут организованы в системное целое своим Эйнштейном, то в Западной Европе именно внешние по отношению к науке факторы заставили энергично искать новые, более продуктивные пути. В этом плане показательно пояснение разницы между предметом психологии и социальной психологии в США: «Если мышь, двигаясь по лабиринту, предпочитает левый коридор правому, потому что в левом лежит пища, то это поведение изучает психолог. Если же мышь поворачивает налево, потому что в правом коридоре сидит другая мышь, то таким поведением должен заниматься социальный психолог» (А.Зайонц, 1968 год).

В европейской традиции в основе понимания социальной психологии лежат следующие идеи: культура создается в

общении и через его посредство; организующие принципы общения отражают общественные отношения, которые в них имплицитно содержатся; социальная жизнь является основой и общения, и идеологии. Изучение этих явлений – именно та задача, для решения которой предназначена социальная психология. Область исследования социальной психологии – это группы и индивиды, которые создают свою реальность, управляют друг другом и создают как связи, объединяющие их, так и разделяющие (С.Московичи, 1972 год).

Основная модель человека в Западноевропейской парадигме – это человек «символический», образующий и интерпретирующий смыслы с помощью символов (знаков). Общество представляет собой систему взаимодействия субъектов различного масштаба и уровня: индивидами, группами, обществом. Человек и формируется обществом через культуру, и является одновременно их активным творцом. Генезис западноевропейской психологии к 80-ым годам XX века обогатил мировую науку по крайней мере тремя результативными концепциями: этогенетикой В.Харре (1979 год), теорией социальных представлений С.Московичи (1979 год) и теорией социальной идентичности Г.Тэджфела (1978 год).

Наряду с уже осуществленным вкладом, наибольшим потенциалом обладает именно концепция социальных представлений С.Московичи. В настоящее время существует не только французская, но также швейцарская и английская школы социальных представлений, в определенной степени можно говорить и о зарождении такой школы в России. В 1997 вышла коллективная монография под редакцией К.Абульхановой и А.Брушлинского «Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики», где концепция С.Московичи служит фактически основой исследовательской программы.

В теоретическом плане концепция социальных представлений наиболее компактна была представлена Д.Жоделе (1990 год) в работе «Социальное представление: явление, понятие и теория».

«Категория социального представления обозначает специфическую форму познания, а именно *знание здравого*

смысла, содержания, функции и воспроизводство которого социально обусловлено. В более широком плане социальные представления – это свойства *обыденно практического мышления*, направленные на освоение и осмысление социального, материального и идеального окружения. Как таковые они обладают особыми характеристиками в области организации содержания, ментальных операций и логики. Социальная детерминированность содержания и самого процесса представления предопределены контекстом и условиями их возникновения, каналами циркуляции, наконец, функциями, которые они выполняют во взаимодействии с миром и другими людьми (Д.Жоделе, 1990 год)

Большинство из положений концепции имеют длительную предысторию в традиционной когнитивной ориентации (атрибутивные процессы, когнитивный баланс и т.д.) Однако, именно выделение социокогнитивных механизмов, лежащих в основе производства социальной мысли, исследование социальных представлений открывают мощную альтернативу существующим моделям социального познания. Собственно и сам С.Московичи предсказывает оптимальную перспективу исследования взаимодействия социального и когнитивного процессов.

Литература

1. Павлов И.П. Полное собрание сочинений. 2-е издание. Т.3; кн.1, М. – Л.; 1951, с.39.
2. Основы теоретической психологии /под ред. М.Г.Ярошевского, А.В. Петровского, М., 2000.
3. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М, 2000.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НЕЙРОКОМПЬЮТЕРНЫХ АРХИТЕКТУР И КОГНИТИВНЫЕ НАУКИ

Т.А. Капитонова
Институт философии НАН РБ

Для традиционного компьютера с фон неймановской архитектурой характерны вводимая извне и хранимая в